

I. ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ И ИСТОРИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МЫСЛИ. ФИЛОСОФИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКИ

УДК 330.1, 330.8

V.L. Vaingort, L.A.Podolyanets

RUSSIAN HISTORY OF THE DEVELOPMENT OF HOMO ECONOMICUS WITHIN THE FRAMEWORK OF THE 21ST CENTURY THEORETICAL CONCEPTS OF BEHAVIORAL ECONOMICS (USING HOMO LUDENS AS AN EXAMPLE)

On October 30 and November 1, 2024, the conference "Pushkin and Economics" was held at St. Petersburg University. The topic is not new for Pushkin studies. It was initiated by the article of the famous historian Pavel Shchegolev "Pushkin - Economist", published by the newspaper "Izvestia" in 1930. Many Pushkin scholars, following Shchegolev, include Pushkin among the famous Russian economists of the 19th century, and this choir includes the voices of not only domestic "Pushkin scholars", but also foreign ones. In 1945, for example, Norman's book "The Spirit of Russian Economic Science" appeared in the USA, where Pushkin is spoken of as a famous economist. According to the authors, the economic behavior of the poet, as well as that of his friends, was irrational from the standpoint of the asserted Homo economicus, but quite logical from the standpoint of behavioral economics.

In their study, the authors test their hypothesis about the prevalence of the play principle in everything that concerns the economic side of life. Pushkin is a typical Homo ludens (playing man) type of the time of changes, and as such, his attitude to economic reality is of scientific interest, based on the principles of the new behavioral economics. Classical economic theory assumes that economic entities pursue their own interests and strive to maximize their benefits in their actions. In numerous definitions of the concept of "economics", the concept of "rationality" is most often encountered. Irrational economic choice was considered in economic science as a kind of failure of regularity, at least until

В.Л. Вайнгорт¹, Л.А.Подольянец²

РОССИЙСКАЯ ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ HOMO ECONOMICUS В РАМКАХ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ XXI ВЕКА О ПОВЕДЕНЧЕСКОЙ ЭКОНОМИКЕ (НА ПРИМЕРЕ HOMO LUDENS)

30 октября и 1 ноября 2024 г. в Санкт-Петербургском университете проходила конференция "Пушкин и экономика". Тема для пушкинистики не нова. Начало ей положила статья известного историка Павла Щёголева "Пушкин – экономист", опубликованная газетой "Известия" в 1930 г. Немало пушкинистов вслед за Щёголевым причисляют Пушкина к известным российским экономистам XIX в., в этом хоре звучат голоса не только отечественных "пушкиноведов", но и зарубежных. В 1945 г., например, появилась в США книга Нормано "Дух русской экономической науки", где о Пушкине говорится как об известном экономисте. По мнению авторов, экономическое поведение поэта, равно как и друзей его круга, было иррациональным с позиций утверждавшегося Homo economicus, но вполне логичным с позиций поведенческой экономики.

Авторы в своём исследовании проверяют свою гипотезу о превалировании во всём, что касается экономической стороны жизни игрового начала. Пушкин являет собой характерное для времени перемены типа Homo ludens (человека играющего) и в этом качестве его отношение к экономической реальности представляет научный интерес, исходя из принципов новой поведенческой экономики.

Классическая экономическая теория предполагает, что экономические субъекты преследуют свои интересы, и стремятся в своих действиях к максимизации своей выгоды. В многочисленных определениях понятия "экономики" чаще всего встречается понятие "рациональности". Иррациональный экономический выбор рассматривался в экономической науке как некий сбой зако-

¹ Вайнгорт В.Л., доктор экономических наук, член правления НКО "Дверь в культуру"
Vaingort V.L., Doctor of Economics, Member of the Board of NGO "Door to Culture"
E-mail: kardis@kardis.ee

² Подольянец Л.А., профессор кафедры экономики, учёта и АХД, доктор экономических наук, профессор; Санкт-Петербургский государственный лесотехнический университет, г. Санкт-Петербург
Podolyanets L.A., Professor of the Department of Economics, Accounting and Administrative and Economic Activities, Doctor of Economics, Professor; Saint Petersburg State Forest Engineering University, Saint Petersburg
E-mail: podolyanets@mail.ru

joint research at the intersection of psychology and economics, which culminated in the formation of a new direction called "behavioral economics". In particular, it studies and explains the influence of long-term strategies on economic decisions made by people under the influence of ideals of justice, equality, or other social preferences. Behavioural economics also studies the influence of social and emotional factors on decisions made during economic choice. It studies decisions that are irrational from the standpoint of income maximisation. Based on the principles of behavioural economics, it is possible to understand the attitude to the economic side of life of the emerging Russian intelligentsia, which began its existence, according to Ovsyaniko-Kulikovskiy (author of the "History of the Russian Intelligentsia") with Eugene Onegin, that is, with Pushkin. Partially, the basis for economic-behavioural analysis was the magazine "Sovremennik", as a result and conscious position of the poet as an author, editor and publisher.

Keywords: Pushkin and economics, behavioural economics, *Sovremennik* magazine, *Homo economicus*, *Homo ludens*.

номерности, по крайней мере, до совместных исследований на стыке психологии и экономики, завершившихся становлением нового направления, получившего название "поведенческой экономики". Она, в частности, изучает и объясняет влияние на принимаемые людьми экономические решения долговременных стратегий под влиянием идеалов справедливости, равенства или иных социальных предпочтений. Поведенческая экономика изучает также влияние на принимаемые решения социальных и эмоциональных факторов во время экономического выбора. Изучаются решения, которые с позиций максимизации дохода являются иррациональными. Исходя из принципов поведенческой экономики можно понять отношение к экономической стороне жизни зарождающейся русской интеллигенции, начавшей своё существование, по мнению Овсянико-Куликовского (автора "Истории русской интеллигенции"), с Евгения Онегина, т.е. с Пушкина. Частично, базой для экономико-поведенческого анализа стал журнал "Современник", как итог и осознанная позиция поэта в качестве автора, редактора и издателя.

Ключевые слова: Пушкин и экономика, поведенческая экономика, журнал "Современник", *Homo economicus*, *Homo ludens*.

DOI: 10.36807/2411-7269-2025-3-42-5-13

Вопреки сложившемуся с 1930-х гг. в пушкиноведении взгляду на некую особую роль в творчестве поэта его углублённого интереса к политэкономии и современной ему экономической науке в целом, авторы настоящего исследования полагают, что эта сконструированная в советское время концепция не имеет отношения к реальности. Более того, в литературных и публицистических произведениях Пушкина не нашёл отражения происходивший социально-экономический переход к новому для России капиталистическому укладу, в отличие, например, от Гоголя, который писательским чутьём уловил и отразил пошлость появившегося в российской действительности *Homo economicus*. Не соответствовала утвердившимся стандартам *Homo economicus* и пушкинская личная хозяйственная практика, соответствующая традиционному для России начала XIX в. азиатскому способу производства на основе феодально-крепостнической экономики. При этом и в творчестве, и в личных делах для Пушкина характерно, наоборот, пренебрежение экономическими интересами вместе со всеми традиционными ценностями, ограничивающими личную свободу героев его произведений и самого поэта.

Homo economicus – человек экономический, т.е. действующий рационально в целях достижения личного финансового интереса. Понятие это, введённое Адамом Смитом, было развито его последователями вплоть до бентамовского "человека оценивающего, калькулирующего". Применительно к художественной литературе об экономическом человеке можно говорить исходя из нескольких "систем координат". Во-первых, речь может идти о литературном герое, соответствующем признакам *Homo economicus*. Во-вторых, созданный писателем художественный мир в целом может отражать эту экономическую идею. В-третьих, сам автор может действовать в качестве экономического человека, что неизбежно отразится в создаваемых им художественных нарративах. Автор также может быть активным проводником и популяризатором экономических идей в качестве общественного деятеля, безотносительно к своему творчеству. Редко, но бывает, что литератор одновременно является учёным-экономистом. В любом из перечисленных случаев именно писателям удаётся уловить художественным своим чутьём в окружающей их дей-

ствительности зарождение социально-экономической формации, где решающая роль у Ното есоnотісис.

Иногда, в этом случае, удаётся рассмотреть и самого нового экономического человека, демонстрируя обществу дотоліе неизвестный ему человеческий тип.

Целью настоящей работы является рассмотрение того, насколько всё вышеизложенное относится к Александру Сергеевичу Пушкину.

Раздел 1. Подходы к исследуемой проблеме и обзор работ предшественников

Из далеко не самых главных популярных работ на тему "Пушкин и экономика" авторы настоящего исследования выделяют рецензию О. Рычковой на книгу И. Устиана "Пушкин и политэкономия" (журнал "Новый мир" № 2 за 2003 г.). Рецензент пишет: "Самое главное и интересное в книге – филолого-экономический (или экономико-филологический) анализ пушкинского творчества <...> Вот всё тот же "Онегин" – "энциклопедия русской жизни". Тщательно рассмотрев его в свете идей Кенэ, Смита и прочих "глубоких экономов", И. Устиан приходит к выводу: "Пушкин возлюбил политическую экономию за то, что она являлась синонимом свободы, всем своим содержанием была направлена против крепостничества, то есть против рабства... Если бы в Пушкине не взял верх всемогущий поэтический гений над экономическим талантом, то нет никаких сомнений, что он стал бы выдающимся экономистом и прилежным хозяином-дворянином". И дальше Рычкова пишет: "Экономистам наверняка будет приятно, что поэзия служила Пушкину средством выражения экономических теорий". И заканчивает статью таким образом: "Глядишь, у Пушкина ещё какие-нибудь скрытые таланты обнаружатся. В очередных областях науки: "Пушкин и метеорология" ("Тиха украинская ночь..."), "Пушкин и астрономия" ("Прозрачно небо. Звезды блещут..."), "Пушкин и ...". Гений – он ведь во всём гений" [24]. Этой обширной цитатой авторы считают важным предварить свой подход к теме, поскольку написанное О. Рычковой применимо ко множеству книг, статей, докладов, диссертаций на эту тему. Начало ей положила статья пушкиниста Павла Щеглова, опубликованная в газете "Известия" 1930 г. (что сразу о многом говорит применительно к этому новому слову в пушкиноведении). Весь этот поток легко систематизировать по четырём направлениям: первое – экономические взгляды Пушкина и его отношение к состоянию экономической жизни Российской империи того времени. Второе – управление им своими личными финансами на основе исследования в мельчайших подробностях экономических интересов поэта. И третье – исследование денежных проблем героев его произведений. Некоторые из этих направлений относятся к Пушкину постольку-поскольку стараниями пушкинистов собрана полная картина приходов-расходов поэта, как характерного представителя определённого слоя петербургского общества. Например, вышедшая в 2021 г. книга "Пушкин и финансы" является собранием интересной информации об экономической стороне жизни мелкопоместного дворянства (к которому принадлежал Пушкин).

Для целей данного исследования использованы следующие работы: статья Владимира Набокова "Пушкин, или правда и правдоподобие" [14], а также исследование А.В. Злочевской о связи творчества В. Набокова с русской литературой XIX в. [10]. Использовались методологические подходы исследования парижского профессора, протоиерея В. Зеньковского "Н.В. Гоголь" [8] и "Русские мыслители и Европа" [9]. Авторам также близок современный незашоренный подход к исследованию творчества и личной жизни поэта в опубликованных после 1991 г. книгах: "Пушкин. Непричёсанная биография" Л.М. Аринштейна [3], "Как Пушкин вышел в гении" А.И. Рейтблата [22]. Особенно важными для настоящей работы оказались книги Л.И. Вольперт "Пушкин в роли Пушкина" [5] и А.В. Аникина "Муза и мамона" [1] (спорная по некоторым утверждениям), а также многочисленные фрагменты из научной пушкинианы Ю.М. Лотмана. Существенны также: исследование А. Минкина "Немой Онегин" [13] и некоторые другие работы, в которых Александр Пушкин предстаёт без нимба "солнца русской экономики".

С учётом методологии и методов исследования, принятых в вышеперечисленных источниках, объектами исследования в настоящей работе является выявление отношений героев пушкинских произведений, а также личных отношений поэта и Ното есоnотісис, появившимся в связи с первыми проявлениями капитализма в российской действительности первой четверти XIX в.

Для этой цели авторами исследовано отношение Пушкина и его героев к крепостному праву в николаевской России как определяющему в то время типу хозяйственной деятельности и решающему условию экономического отставания страны.

Авторы также предприняли проверку собственной гипотезы о том, что Пушкин и его герои, не оказавшись среди новых людей типа Ното есоnотісис, совершенно не ожи-

данно могут сейчас рассматриваться в качестве экономических агентов новой поведенческой экономики, поскольку и они, и их создатель являются Homo ludens ("людьми играющими"), и потому экономически современными.

Раздел 2. Пушкин и крепостническая экономика России первой половины XIX в.

В известном специалистам и коллекционерам роскошном 1911 г. сытинском издании "Великая реформа" III том посвящён роли русской интеллигенции в борьбе с помещичьим рабовладением [4]. В книге сотни имён: философов и экономистов, юристов и писателей первой половины XIX в., мобилизовавших общество и подталкивающих власть к освобождению крестьян от крепостной зависимости. В статье "Крепостные крестьяне в русской беллетристике" Н.В. Сидорова [25] среди упоминаемых литераторов начала XIX в., отразивших в своём творчестве ужасы и проблемы современной им российской деревни, присутствует Пушкин и цитируется знаменитая его "Деревня" 1819 г. с "омрачившей" молодого поэта "мыслью ужасной" о народном порабощении и радищевской силой протеста. Но в той же статье показано, что повзрослевший Пушкин "лишь эпизодически, но без старых романтических и сентиментальных прикрас рисовал деревенские картины <...> касаясь вскользь и уже гораздо мягче того "барства дикого", которое он с таким юношеским пылом бичевал в своей "Деревне" [там же, с. 257]. Изображённые с большой художественной силой "картины старой помещичьей жизни" в "Истории села Горюхина" или увиденная немногими за фабулой разбойничьего романа "неправда всего тела общественного" в "Дубровском", а также милые образы крепостного дядьки Савельича и крепостной няни чрезвычайно далеки от понимания обречённости экономики, основанной на рабовладении в то время, когда в Европе утверждался новый капиталистический уклад.

К зрелому Пушкину вполне можно отнести слова П. Струве: "Нас уверяли, что до водворения капитализма – а оно относилось к 1861 г. – в русской хозяйственной жизни царило какое-то "народное производство". Это <...> было, если можно так выразиться, розовым пятном, которым заменялись отсутствовавшие реальные и реалистические представления об экономической действительности" [26, с. 2]. Но признать этот, в общем-то, "медицинский факт" создатели культа "великого эконома" никак не могут. И создаются ими удивительные по нелепости мифы. Как, например, с публицистическим текстом, получившим впоследствии название "Путешествие из Москвы в Петербург". Текста явно антирадищевского и вполне себе охранительного характера. В черновой редакции этого текста после описания бедственного положения английских фабричных рабочих следует такая авторская сентенция: " <...> волосы встают дыбом от ужаса. Сколько отвратительных истязаний, непонятных мучений! какое холодное варварство с одной стороны, с другой какая страшная бедность!" [1, с. 97]. Авторская мысль проста: жизнь российских крепостных не столь ужасна, а Радищев перегнул с её критикой. Пушкинист Аникин это понимает, но пытается обелить поэта таким образом: "Справедливость требует сказать, что эти меткие замечания создают фон для не совсем ожидаемых нами от Пушкина восхвалений тогдашних порядков в России и критики А.Н. Радищева" [там же, с. 98]. Но тут же Аникин отводит от Пушкина подозрения в верноподданности: "Похвалы русским порядкам были лишь хитроумным прикрытием для возвращения Радищева в легальную литературу" [там же, с. 98]. Этот странный тезис не изобретение Аникина. Он многократно и многими пишущими на тему "Экономист Пушкин" использован. Как раз Аникин, понимая шаткость аргументации такого посыла, замечает: "Вместе с тем, вероятно, что Пушкин мог искренне находить преимущества в русской "патриархальности" перед тёмными сторонами промышленного переворота в Англии" [там же, с. 98]. Странное сомнение, если помнить, что в статье "Александр Радищев" (1836 г.) Пушкин писал: "Сетования на несчастное состояние народа, на насилие вельмож и проч. преувеличены и пошлы" [20, с. 217]. И вряд ли можно объяснить заботой о Радищеве такой "приговор" ему в той же статье: "Невежественное презрение ко всему прошедшему, <...> слепое пристрастие к новизне, частные поверхностные сведения <...>, – вот что мы видим в Радищеве" [там же]. Всё логично. Ужаснувшийся "азиатчиной" государственного Левиафана Радищев не мог быть иначе воспринят (как теперь бы сказали) "государственником" и крепостником Пушкиным. Что ничуть в наших глазах не роняет его литературной гениальности. Он был человеком своего времени, искренне полагавшим, что "всё сущее разумно" в социально-экономическом устройстве современного ему общества. Попытки впихнуть его в радикально противостоящую этому устройству "компанию": декабристы, Герцен, народовольцы, большевики – бессмысленны и антинаучны. Заметим, кстати, что традиционалист Пушкин в роли помещика был полностью экономически беспомощен и неудачлив.

По данным, приведённым, например, с 1825 г. (времени, когда имение Болдино оказалось в полной власти Александра Пушкина), поступления от оброков выглядели та-

ким образом: за 1825 г. – 13106 руб. 17 коп.; 1826 г. – 10578 руб. 65 коп.; 1827 г. – 7862 руб. 04 коп.; 1828 г. – 5518 руб. 77 коп.; 1829 г. – 1639 руб. 40 коп. [15, с. 68]. Все эти годы управлял именем Михаил Калашников (куда его перевели из Михайловского). Некоторые исследователи глухо намекают, что откровенный грабёж владельца Калашниковым был, как бы, согласованной сторонами платой за поруганную честь дочери управляющего, с которой у Пушкина в Михайловском был "крепостной роман", закончившийся рождением ребёнка (вскоре умершего). Ольга Калашникова переехала с отцом в Болдино, где получили "вольную" от Пушкина и вышла замуж за дворянина. История к экономическим занятиям Пушкина, с одной стороны, не подходит. Но, с другой стороны, о следовании "традиционным ценностям" крепостного права свидетельствует. И не лучшим образом.

Раздел 3. Пушкин – Homo ludens в поведенческой экономике

Воспринимал ли В.Г. Белинский пушкинский роман в стихах "Евгений Онегин" как своеобразный поэтический дневник? Вряд ли. В своей литературно-политической борьбе Белинский не рассматривал героя поэмы как alter ego самого поэта и его нестандартность для своего времени припечатал термином "лишний человек", так же как свёл десятилетнюю поэтическую автобиографию Пушкина к "энциклопедии русской жизни". Т.е. к набору точных подробностей действительности со всем её "дрязгом" (по выражению Н.В. Гоголя). Прогрессисты того времени: Белинский и его революционно-демократические последователи понимали гениальность и литературную значимость Пушкина, но в азарте борьбы приспособляли его к собственной позиции. Как, впрочем, и противостоящая им охранительная партия. И одни и другие находили в созданном поэтом мире идей и людей необходимые им мотивы. И одни и другие не желали признавать вневременной характер пушкинского гения, выламывающегося из текущей проблематики своего времени, переступавшего через текущие условия социальной практики, "данные ему в ощущениях".

В 1938 г. культуролог и социолог Йохан Хёйзинга ввёл в научный оборот понятие "Homo ludens" или "человек играющий" [28]. В отношениях такого человека и поэзии Хёйзинга констатирует: "Поэзия вступает в игру в некоем поле духа, в некоем собственном мире, который дух творит для себя, где вещи имеют иное лицо, чем в "обычной жизни", и где их связывают между собой не логические, а иные связи" [там же, с. 172]. Пушкин индифферентен (как и его герой) ко всей николаевской действительности с торжественно-милитаризованными ценностями государственности и экономики. Его привлекают игровые формы философствования, но никакой системе и этим ценностям он не присягает. "Желание как можно лучше разыграть представление, стремление в открытой схватке одержать верх над соперником – эти два мотора всеобщей социальной игры – в функции софиста явлены со всей откровенностью" [там же, с. 209]. Хёйзинга утверждает, что "не кто иной, как софисты создали среду, в которой приняли очертания эллинической идеи воспитания и культуры" [там же, с. 211]. Это те сферы, где "играл" Пушкин, абсолютно не желая "зависеть от царей, зависеть от народа". И ещё одно определение из Хёйзинги, в точности относящееся к Пушкину и его alter ego: "В условиях свободного препровождения времени свободными гражданами софист издавна являл собою пример жизни, проводимой в размышлениях и умственных опытах" [там же, с. 211]. Софист в этих текстах – "человек играющий". Для Белинского в его трудной борьбе, как и для государственников – поэт и Онегин – "лишние люди". Не служит, не пытается прирастить наследованный капитал, не участвует в борьбе за "общественное благо", относится скептически к любым так называемым ценностям (хоть к традиционным, хоть к самым что ни на есть передовым). Кредо Пушкина: "Отчёта не давать, себе лишь самому / Служить и угождать; для власти, для ливреи / Не гнуть ни совести, ни помыслов, ни шеи; / По прихоти своей скитаться здесь и там, / Дивясь божественным природы красотам, / И пред созданными искусствами и вдохновенья / Трепеща радостно в восторгах умиленья. / Вот счастье! вот права...". Никакого интереса при этом "оспаривать налоги" и никакого влечения к иным проявлениям экономической мысли.

В этом ряду сам Пушкин числит "подобного своему чудесному герою весёлого Бомарше". Теме Пушкин и Бомарше посвящена глава книги "Пушкин в роли Пушкина" Ларисы Вольперт [5], по её собственному признанию, по инициативе её научного руководителя Ю.М. Лотмана. Во вступлении к книге Вольперт он написал: "В этой книге поэт предстаёт по-новому: перед нами нехрестоматийный, поразительно живой, игровой Пушкин. <...> Игра "по французскому роману" ("маски", роли, объяснение в любви при помощи беллетристики, эпистолярная "игра", шуточные записки на полях, лжецитаты и многое другое) <...> позволяет автору разгадать "загадки" биографии поэта, парадоксы переписки, раскрыть истоки многих замыслов" [там же, с. 7]. Лариса Вольперт констатирует: "В письмах Пушкина, в его статьях, произведениях, в письмах его корреспондентов звучат знаменитые остроты Бомарше, прославленные реплики его героев" [там же, с. 169]. И даль-

ше утверждает о Бомарше: "Человек артистической раскованности, весёлости и гедонизма, он и как личность в чём-то родствен русскому поэту" [там же, с. 179].

Оба они – Homo ludens. И, конечно, Бомарше, и Пушкин, и Пастернак, и Бродский абсолютно индифферентны к экономическим проблемам, как и к текущей социальной жизни современного им общества. Все они – "люди играющие" – не вписываются в рамки Homo economicus, и не только сами, но и герои их произведений. Но абсолютно точно, как бильярдные шары в лузу, те и другие входят в число лиц "играющих", определяющих характер "поведенческой экономики". Впервые этот термин получил широкую известность, когда его авторы (Каннеман и Смит) удостоились Нобелевской премии по экономике за 2002 г., а затем за 2017 г. нобелиатом по экономике стал Ричард Талер, развивший теоретические основы и практическое применение принципов поведенческой экономики (иначе называемой экономикой с человеческим лицом). Это современное направление экономической мысли, которое не призывает стандартизации рационального подхода Homo economicus и заставляет учитывать многофакторность при решении экономических проблем различных групп населения и отдельных экономических агентов. В том числе тех, для которых достижение экономической эффективности не является главной жизненной целью и, более того, не представляет интереса вообще. Среди таких лиц немало тех, кто руководствуется игровой составляющей жизни, а отношение к получению денег не имеет моральной окраски: если можно взять в долг и не сильно волноваться о его возврате – надо брать; если деньги можно выиграть – играть и т.д. Это моцартианское отношение к потреблению сильно раздражает филистерские догмы и не очень комбинируется с буржуазным отношением к финансовой стороне жизни с торжеством Homo economicus.

Большинство понятий о Пушкине в экономике достаточно подробно рассмотрены, поэтому авторы приняли решение рассмотреть деятельность Пушкина как личности, как хозяйствующего субъекта в издательском деле с точки зрения экономической теории, модели человека в экономике. Объектом исследования выбран последний период жизни и деятельности поэта, связанный с изданием журнала "Современник". Авторы полагают, что данная деятельность поэта в данный период может считаться вершиной, итогом исканий Пушкина в развитии как своих личностных ценностей, так и в ведении экономико-хозяйственной деятельности. Четыре тома журнала "Современник" 1836 г. и посмертный пятый том, составленный поэтом и изданный его друзьями, собрали основные результаты творческой и общественной жизни Пушкина как автора публикаций, как издателя журнала, как редактора публикаций своих друзей и прочих авторов "Современника".

Первоначальной экономической теорией, известной и принятой в российском обществе XIX в., была теория Адама Смита, с которой Пушкин был знаком, принимал её и упоминал в своих произведениях. Основным исследователем связи поэта с экономикой в целом, и с теорией А. Смита в частности, являются труды А.В. Аникина, в первую очередь, книги "Муза и мамона: социально-экономические мотивы у Пушкина" [1] и "Пушкин, Россия, современность. Политические и социально-экономические аспекты" [2]. А.В. Аникин полагал, что, начиная с учёбы в Лицее у любимого поэтом профессора А.П. Куницына, по "общественным наукам" Пушкин в итоге стал знающим политэкономом, и до издания "Современника", в котором уделялось место и экономическим вопросам. В журнале писали о внешней торговле в 1835 г. в разных её видах [7], по экономической географии: "Статистическое описание Нахичеванской провинции" [21], о росте промышленности в Москве [19] и т.д. Однако, в целом, таких материалов в журнале было очень мало.

Сам же Пушкин, хотя, в целом, старался соответствовать модели человека в экономике по А. Смигу, не вполне соответствовал такой модели. Так, список характерных черт экономического человека, по А. Смигу, выглядит следующим образом [30]:

1. Главенство личного интереса в предпринимаемых действиях, эгоизм, стремление улучшить своё положение (присуще всем в равной степени);
2. Именно собственный интерес – основной мотиватор экономического поведения;
3. Наличие взаимного интереса во взаимном выгодном обмене (понимание того, что нельзя удовлетворить свои интересы в одиночку);
4. Преимущественная занятость в делах, требующих предпринимательских способностей;
5. Наличие определённых знаний о рынке, компетентность в собственных делах.

Авторы полагают, что многие из этих характеристик декларировались поэтом, он, по всей видимости, пытался их применить, но общий предпринимательский успех в его жизни показывает, что этими характеристиками он овладел не в полной мере.

По мнению авторов, более точно описывает Пушкина поведенческая экономическая теория, так как она наиболее близко к реальности описала модель человека в эко-

номике, действующего в условиях ограниченной рациональности, с учётом ограниченных возможностей человека, под которыми понимаются его информационные и интеллектуальные возможности. По Г. Саймону, на процесс принятия решения влияют психологические, этические факторы, окружающая ситуация [30]. Таким образом, идея ограниченной рациональности означает, что человек при принятии тех или иных решений руководствуется, скорее, здравым смыслом, разумностью, нежели абстрактными теоретическими моделями. Нобелевская премия Д. Каннемана и В. Смита в 2002 г. была присуждена за то, что было признано, что психологические, поведенческие ошибки, которые свойственны людской натуре, оказывают существенное влияние на экономические и бизнес-решения человека. И именно эти положения теории интуитивно понимал поэт, и описывал в своих произведениях, от Дубровского и Скупого рыцаря, до Золотого петушка, и мы можем описать экономическое поведение поэта также с точки зрения этих постулатов поведенческой экономической теории.

Также будем учитывать 3 основных направления в поведенческой экономике:

1. Эвристика – люди зачастую принимают решения, основываясь на творческом, неосознанном мышлении, которое не всегда является логически правильным. Именно поэтому, эвристика как метод широко применяется в теории управления, особенно проектами с неопределёнными результатами, когда непонятно, как действовать, чтобы достичь цели, не совсем понятна, какова она, и какой составить план.

2. Фрейм – люди используют смысловые рамки для понимания и действия в тех или иных событиях.

3. Рыночная неэффективность – ошибки принятия решений на рынке, которые приводят к различным рыночным аномалиям, в том числе неверной установке цен, неэффективному распределению ресурсов.

Само создание журнала поэтом было призвано решать задачи как коммерческие, так и творческие, и, в течение всего периода существования, гармонии между этими направлениями достичь было сложно.

Поэт в первом же томе и в первой же статье "Современника" пишет: "Ум, сердце и характер (следственно весь человек) ..." [11], фактически характеризуя человека с позиций поведенческой экономики.

Большая провокационно-полемическая статья [18], написанная Н.В. Гоголем, но неподписанная, в первом томе журнала, посвящена исследованию соотношения корысти и творчества в литературно-издательском деле. "Литература должна была обратиться в торговлю, потому что читатели и потребность чтения увеличилась. Естественное дело, что при этом случае всегда больше выигрывают люди предприимчивые без большого таланта, ибо во всякой торговле, где покупщики ещё простоваты, выигрывают больше купцы оборотливые и пронырливые. Должно показать, в чём состоит обман, а не пересчитывать их барыши. ... Талант неискателен, но корыстолюбие искательно. ... Г. Шевырев показал в статье своей благородный порыв негодования на прозаическое, униженное направление литературы, но на большинство публики эта статья решительно не сделала никакого впечатления. Библиотека ...обратившись к зрителям, т.е. к подписчикам, она говорила: вот какое неблагородство духа показал г. Шевырев, неприличие и неимение высоких чувств, упрекая нас в том, что мы трудимся для денег, тогда как и проч. Это обыкновенная политика Петербургских журналов и газет. Как только кто-нибудь сделает им упрёк в корыстолюбии и в бездействии, они всегда жалуются публике на неприличие выражений и неблагородство духа своих противников, говорят, что статья эта писана с целью только поддеть публику и забрать от читателей деньги, что они почитают с своей стороны священным долгом предупредить публику".

Пушкин в течение всего времени издания пытался соблюсти баланс между высокой литературой, серьёзными историческими, общественными, экономическими, литературоведческими, математическими публикациями, с одной стороны, и рентабельностью, с другой стороны. При этом, серьёзным ограничением была цензура, и в результате появлялись такие удивительные публикации, когда статья "Российская академия" [23], посвящённая участию Екатерины Второй в создании российской академии, обладая в целом верноподанным характером изложения, лишь иронично пишет о медлительности академиков и позволяет себе привести примеры из статьи Фонвизина с современным житейско-экономическим опросником и ответами на них императрицы. Например, ответ императрицы о характере русского народа:

"В: В чём состоит наш национальный характер?"

О: В остром и скором понятии всего, в образцовом послушании, и в корне всех добродетелей, от Творца человеку данных".

Следующая прямо за ней статья "Французская академия" [27] демонстрирует совершенно иной подход, включающий в себя и значительный объём актуальной политической, общественной, литературной информации, и её анализ и критику, затрагивает вопросы войны, мира, демократии, акторов, представляя собой большой по объёму, остроте и насыщенности текст.

Поиски баланса "корысти и творчества", ограниченные явной и неявной цензурой, т.е. государственным регулированием, продолжались при создании каждого номера журнала. Так, в 1 томе большая часть не развлекательная, он включал статьи: "О движении журнальной литературы", "О рифме", "Разбор парижского математического ежегодника", при этом опубликован абсолютно верноподданный панегирик Императрице Марии, которую называют "Министром благотворительности" [11]. А для коммерциализации был опубликован "Скупой рыцарь", который был написан в 1830 г. в Болдино, но опубликован в 1 томе "Современника".

Между творчеством и коммерцией в 1 томе были опубликованы путевые заметки "Путешествие в Арзрум": "В Арзруме ни за какие деньги нельзя купить того, что вы найдёте в мелочной лавке первого уездного городка Псковской губернии", – так описал поэт единственную посещённую за границу и "Париж. Хроника русского" А.И. Тургенева.

Второй том также был пёстр по содержанию, но редактор стремился говорить о серьёзном: полемическая статья "О вражде к просвещению, замечаемой в новейшей литературе" [17]. Во втором томе есть ещё 2 развёрнутые рецензии-обзоры новой поэмы Э. Кане [15] и "Ревизора" Н. Гоголя [6].

В третьем томе больше поэзии, и при этом удивительная, подробная статья кн. Козловского "О надежде" [12], в которой сочетается религия, вера, любовь, арифметический треугольник Паскаля, бином Ньютона, выбор, шанс, жребий с расчётом жетонов для расчёта надежды. Более того, мы можем наблюдать там элементы морфологического анализа, который применяется не в филологии, а в теории управления и экономике, а теперь используется искусственным интеллектом, позволяющим просчитать все возможные варианты для выбора.

Четвёртый том можно назвать эталонным сочетанием творчества и доходности – основную часть занимает "Капитанская дочка".

При этом, удивительным является то, что в коммерческом журнале публиковались очень серьёзные, профессиональные статьи из разных сфер науки, практики и общества, и предполагалось, что читающая элита сможет их понять, что также может быть характеристикой элит с точки зрения и эрудиции, и образования, и поведенческой экономики.

Таким образом, поведение Пушкина в профессиональной сфере в последний год своей жизни полностью укладывается в генеральную гипотезу поведенческой экономики, что любой индивид в любой момент времени при принятии любого решения обладает ограниченной рациональностью. Ограниченная рациональность может иметь как внутренний (фактор выбирающего индивида), так и внешний характер (фактор среды выбора), и при принятии большинства решений индивид одновременно подвержен факторам из обеих групп, а эти переменные могут носить либо фиксируемый характер, либо контролируемый, т.е. те, которые индивид способен оптимизировать. Главным образом, этот индивид никогда не сможет избавиться от ограниченной рациональности и, напротив, его нельзя классифицировать как нерационального. В главном поведенческая экономика отличается от классических экономических теоретических моделей в том, что индивид никогда не сможет максимизировать свою полезность [29].

Список использованных источников

1. Аникин А.В. Муза и мамона: социально-экономические мотивы у Пушкина. – М.: Мысль, 1989. – 255 с.
2. Аникин Андрей Владимирович. Пушкин, Россия, современность: Политические и социально-экономические аспекты / РАН. Ин-т мировой экономики и международных отношений. – М.: Наука, 1999. – 254 с.
3. Аринштейн Л.М. Непричёсанная биография. – М.: Муравей, 1999.
4. Великая реформа. Русское общество и крестьянский вопрос в прошлом и настоящем. Юбилейное издание. Т. III. – М.: Товарищество И.Д. Сытина, 1911.
5. Вольперт Л.И. Пушкин в роли Пушкина: творческая игра по моделям французской литературы. Пушкин и Стендаль. – М.: Школа "Языки русской литературы", 1998.
6. Вяземский П.А. Ревизор, комедия соч. Н. Гоголя // Современник. – Том 2. – С. 285-309.

7. Государственная внешняя торговля 1835 года в разных её видах // Современник. – Т. 3. – С. 266-306.
8. Зеньковский В.В. Н.В. Гоголь. – Париж: YMCA-Press, 1961.
9. Зеньковский В.В. Русские мыслители и Европа. 2-е изд. – Париж: YMCA-Press, 1955.
10. Злочевская А.В. Художественный мир Владимира Набокова и русская литература XIX века. – М.: МГУ, 2002. – С. 53-73.
11. Императрица Мария // Современник. – Т. 1. – С. 8.
12. Кн. Козловский. О надежде. // Современник. – Т. 3. – С. 27-44.
13. Минкин А.В. Немой Онегин: роман о поэме. – М.: Проспект, 2020.
14. Набоков В.В. Пушкин, или правда и правдоподобие / Лекции по русской литературе. – М.: Независимая газета, 1998. – С. 411-424.
15. Новая поэма Э. Кане // Современник. – Т. 2. – С. 267-284.
16. Новиков В.И. Русская литературная усадьба. – М.: Ломоносов, 2012.
17. О вражде к просвещению, замечаемой в новейшей литературе // Современник. – Т. 2. – С. 206-217.
18. О движении журнальной литературы, в 1834 и 1835 году. // Современник. – Т. 1. – С. 192-225.
19. Пешеход (М.П. Погодин), Прогулка по Москве // Современник. – Т. 3. – С. 260-265.
20. Пушкин А.С. Александр Радищев / А.С. Пушкин. Собрание сочинений в 17 томах. – М.: Воскресенье, 1996. – Т. 12. – С. 30-36.
21. Разбор книги: "Статистическое описание Нахичеванской провинции" В. Золотницкого // Современник. – Т. 2. – С. 218-228.
22. Рейтблат А.И. Как Пушкин вышел в гении: историко-социологические очерки о книжной культуре Пушкинской эпохи. – М.: Новое литературное обозрение, 2001.
23. Российская академия // Современник. – Т. 2. – С. 5.-13.
24. Рычкова О. Солнце русской политэкономии // Новый мир. – 2003. – № 2. – С. 208-209.
25. Сидоров Н.В. Крепостные крестьяне в русской беллетристике / Великая реформа. Русское общество и крестьянский вопрос в прошлом и настоящем. Юбилейное издание. Т. III. – М.: Товарищество И.Д. Сытина, 1911. – С. 242-243.
26. Струве П.Б. Крепостное хозяйство: исследования по экономической истории России в XVIII и XIX вв. – М.: Сабашников, 1913.
27. Французская академия // Современник. – Т. 2. – С. 14-15.
28. Хэйзинга Й. Homo ludens. Человек играющий. – М.: Азбука, 2022.
29. Чернышенко М.С. Инструментарий и методы поведенческой экономики в сфере государственного управления: теоретические основы, перспективы и риски, международный опыт // Журнал социологических исследований. – 2021. – Т. 6. – № 4.
30. Шерешева М.Ю., Костанян А.А. Поведенческая экономика: модель человека в экономической теории и оценка роли государства в этой модели. – <http://www.econ.msu.ru> Preprint series of the economic department. МГУ.